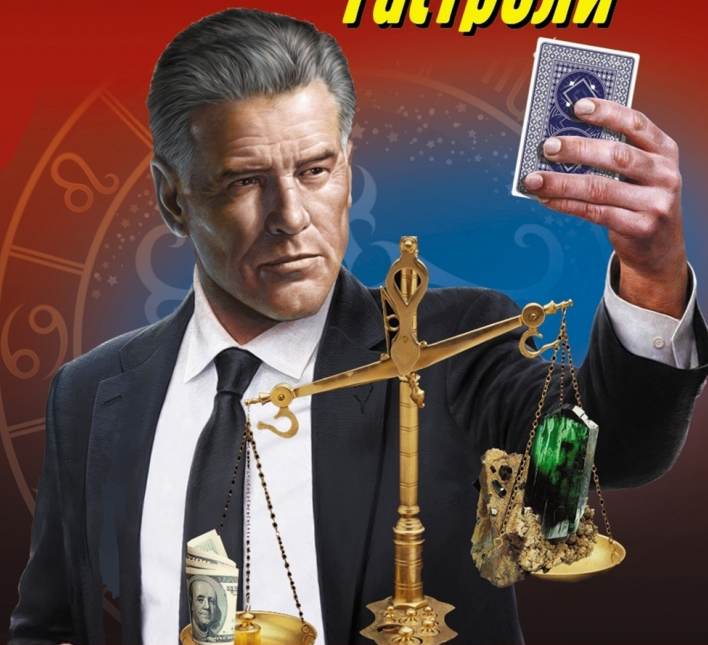




Николай  
**ЛЕОНОВ**  
Алексей МАКЕЕВ

**Криминальные  
гастроли**



РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

**Алексей Викторович Макеев**  
**Николай Иванович Леонов**  
**Криминальные гастроли**  
**Серия «Русский бестселлер»**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=68929740](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68929740)*

*Криминальные гастроли:*

*ISBN 978-5-04-184340-3*

### **Аннотация**

Еще одна книга легендарного тандема Леонов – Макеев.

В Москве участились случаи необычных преступлений. Кто-то лихо обманывал богатеев, отбирая у них солидные суммы денег. При этом жертвы сами с удовольствием платили за простой булыжник, выданный за кусок настоящего метеорита, или за беспородного щенка с «крутой родословной». Каждый раз это было не простое вымогательство, а настоящее представление, располагающее к полному доверию. Полковники Гуров и Крячко определили, что в деле участвует одна и та же пара виртуозов – мужчина и женщина. Вычислить мошенников – дело техники. Настоящий ступор возник у сыщиков после того, как они узнали, что заставило злоумышленников стать на путь преступления...

Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга – это правдивая захватывающая

история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров – сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он – настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

# Содержание

Пролог	6
1	15
2	22
3	28
4	35
5	45
6	53
7	65
8	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

**Николай Иванович  
Леонов, Алексей  
Викторович Макеев**

**Криминальные гастроли**

© Макеев А.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

## Пролог

– Входите, Алексей Иванович, входите, – отозвался на стук в дверь кабинета худрук подмосковного чаплинского музыкально-драматического театра «Серена».

Город Чаплинск был небольшим, со своей уютной атмосферой и своими провинциальными нравами, которые еще не затронули столичные нововведения. Может быть, именно по этой причине и московский бомонд, и столичные чиновники с удовольствием приезжали в этот неспешный по своему жизненному укладу городишко, чтобы отдохнуть в нем от больших скоростей, духоты и загазованности мегаполиса.

– День добрый, Антон Бенедиктович. Вы меня вызывали?

Вопрос был, конечно же, риторический – иначе зачем же еще актер Алексей Сенечкин пришел бы к начальнику? У актеров в театре задача конкретная и определенная – играть на сцене, а не ходить по кабинетам. Тем более что репетиция нового спектакля была в разгаре. Хотя сам Сенечкин и не был задействован в этой новой постановке, зато там играла его супруга Аличка, и Алексею Ивановичу было весьма интересно наблюдать за ее игрой. Вызов в кабинет худрука был для него досадным и весьма неудобным на данный момент событием. Но что поделать? С начальством не поспоришь. Зовут – значит, надо идти.

– Да, проходите и садитесь, – худрук сделал приглашаю-

щий жест рукой.

Антон Бенедиктович был довольно молодым человеком лет тридцати с небольшим. И хотя в театральном искусстве он разбирался так же, как корова в луговых цветочках, зато он был энергичен, умел добывать необходимые для существования театра деньги и пробивать различные новомодные (а значит, и доходные) режиссерские проекты. Эти проекты по большей части отдавали эротическим душком, но такое обстоятельство ни нового молодого худрука, ни старого – по всем параметрам – режиссера не смущало, потому как такие переделки классических постановок на современный лад приветствовались высшим руководством из городского комитета культуры. А этим руководством, надо сказать, являлся тесть новоиспеченного худрука, который и выдвинул своего энергичного зятя на эту весьма перспективную должность. Перспективную, конечно же, не в культурном, а в денежном смысле – деньги на новые проекты выделялись щедро. Вот только зарплата актеров отчего-то не росла, хотя на спектакли народ Чаплинска шел с удовольствием.

Алексей Иванович Сенечкин, человек сам по себе весьма скромный, но зато талантливый актер, уже больше двадцати лет играл в чаплинском театре и был, как и большинство местных актеров, приверженцем старой, академической театральной школы, где Станиславский и Немирович-Данченко считались столпами и непререкаемыми авторитетами. Фамилия Сенечкин была славная и знаменитая в Чаплинке, а

вернее, в театральных кругах городка. Еще дед и отец Алексея Ивановича выступали на подмостках «Серены», играя такие значимые роли, как городничий из «Ревизора» и купец Ермолай Лопухин из «Вишневого сада». А сам Алексей Иванович тоже, можно сказать, родился как актер в этом небольшом, уютном театре. Поэтому относился он к своей профессии не только с гордостью, но еще и с нежным трепетом, считая себя не только актером, но и носителем культуры среди жителей Чаплинска.

Зная, что новое руководство «Серены» решило сменить курс и перейти от классических постановок к современному «шлягеру» (именно такое название было дано артистами чаплинского театра новомодным постановкам старых спектаклей), Алексей Иванович понимал, что вызов к новому руководству не сулит ему ничего приятного. Поэтому вошел он в кабинет худрука с волнением и смутным нехорошим чувством.

– Я хотел бы поговорить с вами по поводу вашего дальнейшего пребывания в нашем коллективе, уважаемый Алексей Иванович, – не отвлекаясь на политесы, худрук решил вывалить на Сенечкина все и сразу. – Ни мне, ни нашему режиссеру, Константину Павловичу, не по душе ваша игра на сцене. Нет, мы понимаем, – худрук предостерегающе (а может, успокаивающе) выставил перед собой ладонь, – что вы один из старейших актеров нашего театра! К тому же потомственный актер. Но искусство, дорогой Алексей Иванович, –

оно, как и жизнь, на месте не стоит. В отличие от вас. Вы как играли по старинке, так и играете, не желая перестраиваться. Постоянно спорите с режиссером, отказываетесь выполнять его указания, не обращаете внимания на его советы... А ваши диссидентские высказывания и критика в адрес руководства, то есть меня и Константина Павловича, негативно влияют на всю труппу. Можно сказать, они ее разлагают изнутри. Люди стали возмущаться и даже требовать. Ну, куда это годится? И проблемы возникают из-за вас...

Антон Бенедиктович делано-горестно вздохнул и покачал головой. Он встал и, подойдя к сидящему на другом конце длинного стола Сенечкину, отодвинул стоящий рядом с ним стул и сел, выражая тем самым свое участие к происходящему действию и выказывая свое доброе отношение к актеру. Но Алексей Иванович прекрасно понимал, что все это – актерство и позерство со стороны начальства, а потому еще больше напрягся и насторожился, готовясь к худшему.

– Так вот, – продолжил худрук. – На чем это я остановился? Ах да – на вашем диссидентстве. Оно мешает нам работать. Очень мешает! К тому же... – Последовала многозначительная, как принято говорить, театральная пауза. – К тому же, если говорить предельно честно, вы, Алексей Иванович, не вписываетесь в наш обновленный коллектив ни своим среднестатистическим, мягко говоря, талантом, ни своей просто маниакальной приверженностью к старой театральной школе. А потому мы приняли решение уволить вас в свя-

зи с сокращением штатов. Ну или как не справляющегося со своими обязанностями члена нашего дружного коллектива. Тут уж я разрешаю вам самому выбрать причину увольнения.

Кто эти гипотетические «мы», худрук, конечно же, не уточнил. Да и не собирался. Алексею Ивановичу и так было все ясно – его вышвыривают из театра, в котором он столько лет честно проработал! Изгоняют вон! Вон из театра, без которого он не мыслил свое существование. Да и не умел он больше в этом мире ничего, кроме как играть разные роли. Играть так, словно проживал каждый раз за своего героя его жизнь, так, словно это он был и Чичиковым, и Мастером, и евреем Абрамом Шварцем из «Матросской тишины» Галича... Он так же, как и они, хитрил и обманывал, был честным и скромным, болтливым и жуликоватым, так же родился, жил и умирал... Но это все на сцене, а сцена и была его, Алексея Ивановича Сенечкина, настоящей жизнью – жизнью, полной интриг и слез, радостей и маленьких побед, горестей и разочарований, утешений и вдохновения.

– Но как же так? – растерянно посмотрел на худрука Алексей Иванович. – Почему? Ведь я не смогу без театра. Я... Ведь я ничего больше не умею. А впрочем... – Сенечкин высоко поднял голову и сжал губы. – Впрочем, кому и зачем я это сейчас говорю? Вам, который ничего не смыслит в театре, в искусстве, который нанял на работу бесталанных, но готовых плясать под вашу с режиссером дудку людишек, а

талантливых людей уволил за ненадобностью! Что ж... Я напишу заявление и передам его секретарю, – Алексей Иванович посмотрел в глаза худрука и встал. – Засим – откланиваюсь, – он прищелкнул каблуком о каблук, кивнул и, резко развернувшись, твердым военным шагом вышел из кабинета.

В приемной, как оказалось, его ждала супруга Алина, которая, волнуясь по поводу вызова мужа в кабинет начальника, взяла перерыв в репетиции и примчалась узнать, что послужило причиной приглашения к худруку. Она о чем-то тихо переговаривалась с секретарем Светланой Владимировной. Когда ее муж вышел из кабинета, обе женщины замолчали и выжидательно уставились на Алексея Ивановича. Тот был бледен, но по выражению лица нельзя было понять, какие именно эмоции его одолевают.

Секретарь молча протянула Сенечкину стакан воды, и тот, взяв его, залпом выпил. А потом все так же молча прошагал все тем же военным шагом к выходу из приемной. Алина и Светлана Владимировна встревоженно переглянулись, и жена кинулась следом за супругом.

– Алеша, подожди! – Алиночка Сергеевна, как уважительно и ласково звали ее все в театре, подбежала к мужу, остановила его, твердо положив на его плечо свою маленькую руку, и развернула лицом к себе. – Ну-ка выкладывай, что он там тебе наговорил?! – потребовала она.

Алексей Иванович знал, что спорить с супругой бесполез-

но. Пока она все с него не вытянет – не отстанет, а потому все, что произошло в кабинете начальника, рассказал ей в двух словах, что дословно звучало так:

– Меня уволили.

– Что?! – Алиночка Сергеевна сделала большие глаза, но потом вдруг нахмурилась и, резко повернувшись к мужу спиной, решительно направилась обратно в приемную. А вернее (Алексей Иванович прекрасно понял ее намерения), в кабинет худрука. Останавливать ее сейчас было бесполезно. Это было все равно, что попробовать остановить мчащийся на всей скорости электропоезд. Алексей Иванович отлично знал натуру своей супруги, а потому даже и не пытался ее остановить.

В их семье (к большому сожалению супругов – бездетной) Алина была лидером. И именно она всегда ставила точку в принятии семейных решений, хотя и принимали они их всегда совместно.

Алексей Иванович Сенечкин был строен и подтянут и выглядел со спины лет на тридцать пять, но лицо из-за частого накладывания грима прибавляло ему пяток лет, а потому в суммарном отношении потомственный актер театра «Серена» как раз подходил под свой метрический возраст – сорока семи лет.

Супруга же его – Алиночка – сохранила и в свои сорок пять стройность восемнадцатилетней барышни, и личиком была свежа, как майская роза. Что тому было виной – гене-

тика или ежедневный косметический уход, – Алексея Ивановича не интересовало. Он любил бы свою супругу в любом виде, потому как смотрел на нее не просто глазами мужчины, а глазами любящего мужчины. А любовь, в понимании Сенечкина, простиралась куда как глубже внешнего вида жены.

Так как детей у них не было (Бог не дал, и они с этим решением Всевышнего смирились), то все свои силы и энергию Алексей и Алиночка направили на театр, отдаваясь творчеству со страстью юных Ромео и Джульетты. Даже дома все их разговоры были только о театре, о ролях, о новых постановках и о старых пьесах. Они не просто жили театром, они им дышали.

Поэтому когда Алина наконец-то вышла из приемной и подошла к мужу с глазами, полными слез, он понял все без слов. Она в знак ли протеста, или просто из солидарности решила тоже уйти из театра. Их мир катастрофически рушился, и у них после этой катастрофы оставались только они сами, их любовь друг к другу и к искусству.

– Он предлагал мне остаться и обещал денежные роли, – презрительно фыркнула Алиночка Сергеевна. – Бегать полуголой по сцене и декламировать монолог пушкинской Земфиры! Нет, ты представляешь?! – возмущенно спросила она и, взяв мужа под руку, повела его к выходу из театра.

Супруги Сенечкины выходили из стен «Серены» с высоко поднятой головой и сопровождаемые сочувственными и тоскливыми взглядами своих товарищей по трупке. Сочув-

ствуя Сенечкиным, актеры с тоской думали о своей судьбе и о судьбе своего театра. О том, что им придется мириться с новыми правилами, или же... Впрочем, это уже другая история.

# 1

Декан-правовед столичного университета Андрей Викторович Козырьков был на грани нервного срыва. Он сидел в своем кабинете и думал о причинах, по которым его любовница, прекрасная и молодая полячка Агнешка, стала избегать его общества. Конечно же, декану не полагалось иметь связь со студенткой, да еще и иностранкой, но Агнешка была так соблазнительно прекрасна и молода, что Андрей Викторович не устоял и превысил свои деканские полномочия в отношении этой студентки-второкурсницы. Если бы об этой связи узнали в деканате или, не дай бог, – жена декана, с которой он состоял в браке вот уже почти тридцать лет, то скандала ему не избежать. Впрочем, какой там скандал – развод! И с супругой при разводе нужно было бы делиться нажитым добром – и, скорее всего, его большей частью. А там и взрослые детки могли заявить о своей доле в состоянии отца. Козырьков давно подозревал, что и его сынок, и дочка только того и ждут, чтобы выпал удобный случай и они смогли запустить свои ручонки к нему в карман. А вернее, в его банковский счет.

Так что раскрывать свою связь с прекрасной панночкой декану-правоведу было невыгодно ни с какой стороны. «Может, оно и к лучшему, что Агнешка вдруг потеряла ко мне интерес? – приходили иногда к Андрею Викторовичу пра-

вильные мысли, но потом он сам же себя и одергивал: – Но как же я смогу тогда обходиться без этих лебединых ручек и без этих малиновых губок?! – в отчаянии вопрошал он себя и после этого думал уже не о жене и не о дележе совместно нажитого с ней добра (хотя, честно сказать, наживал это добро он один), а исключительно о ласках юной прекрасной полячки. – Я прямо как Андрий из «Тараса Бульбы», – усмехался Козырьков в уже седеющую профессорскую бородку. – Увлёкся, как мальчишка. А что поделаешь? Страсть – она и умных деканов делает глупцами».

Думать-то таким образом Козырьков думал, но ничего поделать с тем бесом, что в ребро, не мог. Не мог, да и не хотел он отпускать от себя Агнешку, а потому готов был сделать для нее все, что она только попросит, лишь бы она оставалась рядом и не смотрела в сторону молодых студентиков. Что с них возьмешь, с тех студентиков? Большинство из них хоть и из состоятельных семей, но папины деньги для них недоступны, особенно в таком количестве, которые имеет в своем распоряжении Андрей Викторович.

Деньги, если признаться честно, не все были нажиты законным и честным путем, но ведь не он, Козырьков, придумал брать взятки. И до него этим делом баловались преподаватели – еще в советские времена, да и в царской России педагоги мздоимствовать не брезговали. Он же только их почин поддержал. Ну а как иначе? На одну профессорско-деканскую зарплату в Москве достойной жизни не обрешься,

как сказал бы его коллега в веке этак восемнадцатом.

«Но как же мне быть с Агнешкой? – размышлял Козырьков. – Как вернуть обратно ее пыл и страсть? Разве что подарить ей что-нибудь особенное. О чем она мечтает? Не так давно, помнится, она говорила, что хочет завести собаку. Как ее там... Какой-то кавалер король Чарльз... Тьфу. Надо в интернете посмотреть».

Андрей Викторович набрал в поисковике «Порода собак кавалер...», и поисковик сразу же выдал ему информацию. Оказалось, что полностью порода называется кавалер-кинг-чарльз-спаниель. Посмотрев фото собаки в разных видах и ракурсах и не найдя во внешности животного ничего, что могло бы привести его в такой же восторг, в какой эти собаки приводили Агнешку, декан стал присматриваться к цене на щенков. А стоили они вместе с документами от заводчика совсем даже недешево – до трехсот тысяч рублей.

У Андрея Викторовича такие деньги, конечно же, были, но только вот отложены они были жене на шубку, которую он обещал ей ко дню рождения, а не на щенка для любовницы. И этот факт несколько смущал Козырькова. Нужно было принимать решение или находить какую-то другую альтернативу дорогому песику. Но профессор понимал, что другого такого шанса угодить своей любовнице у него больше может и не быть. А жена... Жене он придумает, что сказать. Или займет на шубку у своего давнего сотоварища и коллеги – декана истории права Куренкова.

Успокоив свою совесть и, таким образом, подняв свою самооценку, Андрей Викторович пришел в благодушное настроение и, насвистывая арию «Сердце красавицы...», стал, как говаривал его сынок, «шарить» по интернету в поисках подходящего заводчика с подходящей ценой на щенков этих самых королевских спаниелей. Вскоре он набрел на объявление, где некая дама предлагала продать нужного декану щенка окраса бленхейм по цене в двести пятьдесят тысяч рублей. Выгода сделки была налицо – пятьдесят тысяч оставались для шубы, а значит, и занимать нужно будет меньше. Это обстоятельство так вдохновило Андрея Викторовича, что он тут же набрал номер телефона, который был дан в объявлении.

– Здравствуйте, внимательно вас слушаю, – прозвучал в телефоне приятный женский голос.

– Э-э-э, – декан никак не ожидал столь быстрого ответа (всего один гудок, и произошло соединение) и потому смешался, не зная, как начать разговор.

– Вы по объявлению? – подсказал ему приятный голос. – Вам нужен щенок?

– Да, нужен, – брякнул Козырьков, растерявшись и забыв о вежливости, но потом опомнился и поздоровался: – Здравствуйте!

– Я так и подумала, – мелодично рассмеялась женщина. – Скажите, кого бы вы хотели приобрести – кобелька или сучку?

– Кхм, – откашлялся Андрей Викторович. – Я как-то об этом не думал, – ответил он и поинтересовался: – А кто лучше?

– Да, в общем-то, смотря для чего вам нужен щенок. Если собираетесь разводить породу, то берите девочку, а если кому-то в подарок, то лучше кобелька. Я, например, как заводчик начинала с покупки сразу и мальчика, и девочки, – активно щебетала хозяйка щенков, и от этого щебета у Козырькова даже голова кругом пошла. – Это чтоб уж потом не бегать и не искать песика для вязки. Все под рукой. Может, сразу двоих возьмете?

– Нет, мне для подарка, – Андрей Викторович замешкался, придумывая, что сказать, а потом добавил: – Для дочки, на восемнадцатилетие.

– Отлично! Тогда берите кобелька, их у меня три штуки. Вам я выберу самого лучшего.

– А сам я выбрать не могу? – нерешительно спросил декан.

– Так вы разбираетесь в собаках? – почему-то обрадовалась женщина.

– Я? Нет, я ничего в породах и вообще в собаках не смыслю. Равно как в котах и прочих зверях и птичках. У меня другая область знаний. Я, знаете ли, профессор МГУ. Преподаю право, – Козырьков и сам не знал, для чего он все это сказал незнакомке. Но ведь что-то же нужно было ответить и как-то поддержать разговор.

– Отлично! – опять радостно рассмеялась женщина. – Профессор права – это просто мечта! Когда вы хотите забрать щенка? – поинтересовалась она. – На эту породу в Москве спрос просто огромный, и потому щенят разбирают махом. Так что поторопитесь. Давайте встретимся, – женщина ненадолго задумалась, – через два часа в Александровском саду. Я выйду к вам с мамой и папой щенков, вы на них посмотрите и скажете, будете брать или нет.

– А зачем мне смотреть на маму и папу? – удивился Козырьков. – Я ведь не их покупаю.

– Конечно же нет! – рассмеялась заводчица. – Но вообще-то так положено, что перед покупкой дорогих породистых щенят смотрят на их родителей. Ну, чтобы обмана никакого не было. А то есть жулики, которые втюхивают незнающим людям дворовых безродных кутят, а деньги как с заводских породистых дерут.

– Кутят? – не понял Андрей Викторович, но потом вспомнил, что так называют маленьких щенят, и, посмотрев, сколько сейчас времени, ответил женщине: – Через пару часов я как раз освобожусь. Хорошо, давайте встретимся в Александровке. А как я вас узнаю?

– По собакам, конечно же! – Женщина опять рассмеялась. – Вот увидимся и поговорим обо всем. Но если решите брать, то вы уж деньги сразу с собой приносите. Мой муж вам сразу щенка и вынесет. С корзинкой в подарок!

Звонкий смех заводчицы так и гудел у Козырькова в ушах,

но не раздражал, а, наоборот, радовал, потому как Андрей Викторович уже предвкушал радость Агнешки по поводу подарка и ее благодарный поцелуй. А может быть, и не только поцелуй...

Договорившись о встрече, декан радостно крутанулся в офисном кресле, причем так сильно, что чуть не перевернулся вместе с ним. Но это развеселило его еще больше, и он в приподнятом настроении отправился на встречу со студентами. Пары у него на сегодня больше не было, но было время для дополнительных занятий с желающими улучшить свои знания по политологии или подготовиться к экзаменам по этому предмету. Образ Агнешки и то, как она обнимает его своими прохладными нежными руками, будоражили воображение Козырькова и делали его мысли легкими, можно даже сказать, легковесными.

В назначенное время Андрей Викторович был на месте и нетерпеливо оглядывался по сторонам. Никакой женщины с собаками он пока не видел и решил подождать. Сев на скамейку, Козырьков прищурился на яркое весеннее солнце и стал смотреть на праздно прыгающих воробьев и деловитых голубей, которые, завидев декана, поспешили к нему в надежде на подачку в виде крошек от какой-нибудь булки. Андрей Викторович, размышляя о щенках и Агнешке, не заметил, как сзади к нему подошла невысокая, весьма симпатичная особа в светлой курточке, берете и в солнцезащитных очках. В руках женщина держала два поводка, на другом конце которых были пристегнуты белые с рыжими пятнами собачки. Уши у них были курчавыми, а хвосты напоминали метелки.

– Здравствуйте, – поздоровалась женщина. – Это вы декан МГУ Андрей Викторович, который звонил сегодня по поводу щенков?

– А? Да, это я. День добрый, – очнулся Козырьков и уставился на собак. – Это вот и есть родители?

– Да, знакомьтесь, – женщина подвела собак ближе к декану. – Это мама – Малина, а это отец – Мармелад. Но мы зовем его просто Марми. Кстати, вы в курсе, что щенков положено называть на ту же первую букву, что и у их родите-

лей? Поэтому если вы все-таки будете брать щеночка...

Женщина вопросительно посмотрела на Козырькова, тот в знак согласия кивнул и ответил:

– Да, конечно же, я буду брать кобеля, в смысле мальчика. Родители, кажется, вроде бы как ничего... – стушевался Андрей Викторович.

– Отлично! – Женщина радостно заулыбалась, и декан невольно отметил, что улыбка у нее очень красивая. – Если деньги у вас с собой, то я могу позвонить мужу и он принесет щенка. Мы бы вас и домой пригласили, но понимаете, – оправдывающимся голосом заговорила заводчица, – у нас дочка маленькая, и она очень болезненно реагирует, когда мы раздаем щенков. Плачет навзрыд. Так что приходится выносить вот так, потихоньку, чтобы она ничего не заметила. Ничего, что так? – она вопросительно посмотрела на декана.

– Ничего, – улыбнулся в ответ Козырьков. – Деньги я принес. Но я хочу спросить... Вы не скинете еще тысяч пятьдесят? Мне можно щенка и без родословной...

– Ой, ну что вы! Без родословной никак не обойтись! И знаете, – виновато ответила женщина, – я бы с удовольствием и без нее вам продала, но клубные правила мне этого не позволяют, а сам клуб – «Кавалер Кинг» – повысил расценки за выдачу родословных и собачьих паспортов. Так что сбросить цену никак не могу. К тому же мы потратились на ветеринара, который осмотрел щенка на предмет выбраковки, и все анализы мы сдали, и все прививки нужные у нас есть.

Так что при всем моем к вам уважении... Ну, никак не могу. Кстати, насчет родословной и паспорта. Вот, посмотрите, как они будут выглядеть.

Женщина аккуратно достала из сумочки два заламинированных листа бумаги и показала их Козырькову.

– Видите, все тут есть. И клубная печать, и полное имя. Все как положено. А вот еще ветеринарный паспорт, – она показала еще и бело-синюю книжечку с изображением собаки. – Эти документы нужны обязательно. Без них собачка не сможет попасть ни на одну выставку. А выставки – это престиж! А престиж для владельца собаки – это выгодная вязка, а значит, и хорошие деньги от продажи щенков. Таких высококлассных производителей, как наши Малина и Мармелад, – она указала на своих собак, – в Москве практически больше нет. Все или в Европе, или в Америке...

– Я все понял и оценил, – закивал Козырьков, прерывая словесный поток дамы с собачками. – Звоните мужу, и пусть приносит со... щенка, – махнул он рукой.

Женщина радостно заулыбалась и стала звонить. Примерно через пятнадцать минут на дорожке сада появился импозантный мужчина средних лет (так, во всяком случае, показалось декану), с аккуратной бородкой и молча протянул Козырькову корзинку, в которой копошилось нечто бело-рыжее, лохматое и невразумительное.

Андрей Викторович молча и с некоторым подозрением какое-то время смотрел на щенка и наконец задумчиво про-

изнес:

– Какой-то он не такой, как в интернете... Там щеночки совсем другие были. А этот – на них не похож...

– Правильно, – легко согласилась с ним женщина. Муж ее стоял рядом и все так же молчал. – В интернете выставляют фото уже подросших двухмесячных щенков, а наш еще совсем кроха – ему сегодня еще только месяц исполнился.

– И чем его кормить, такого маленького? Может, я потом, позже его у вас заберу? – засомневался Козырьков.

– Зачем же позже? Вы поезжайте сейчас вот по этому адресу, – женщина быстро что-то чиркнула невесть откуда появившейся у нее в руках ручкой на листке бумаги, что протянул ей муж, – и наберите для него в специальном магазине корм для щенят. Какие проблемы?

– Да? – удивился Андрей Викторович такой оперативности. – Ну хорошо. Тогда давайте адрес, и вот вам деньги. – Он достал из портфеля пачку банкнот и отдал их мужу женщины, который тут же стал молчаливо и сосредоточенно их пересчитывать.

– Все правильно, – наконец кивнул он и сунул купюры в карман своего серого демисезонного пальто.

Женщина еще раз лучезарно улыбнулась и быстро стала прощаться с Козырьковым.

– Вы уж извините, – оправдывалась она за поспешность. – Пора уже собак кормить, да и дочка одна дома.

– Желаю здравствовать, – распрощался с деканом и угрю-

мый муж заводчицы.

Супружеская пара отправилась к выходу из сада.

Андрей Викторович еще раз посмотрел в корзину на нелепого маленького щенка, и теперь он уже не казался ему странным и неказистым, а выглядел вполне даже симпатичным. Напевая свою любимую арию, Козырьков отправился к Агнешке на квартиру, аренду которой он, декан МГУ, и оплачивал.

\* \* \*

Через две недели Агнешка дала декану окончательный расчет, наказав больше не появляться на пороге ее квартиры и сунув щенка в руки опешившего от такого поворота событий Козырькова. На его недоуменный вопрос «почему» она в резкой форме и с сильным польским акцентом ответила:

– Пошел ты, стары пен, вместе со своей безродно псиной на хутор. Я кто тебе такая, чтобы спать с тобой за дарки в виде дворня? Знаешь, кто ты после того? Да над меня насмеялись все подруги, когда я им показать этого... этого, – Агнешка с негодованием ткнула пальчиком в щенка.

После этих ее слов Козырьков стал смутно догадываться, что с щенком его все-таки надули, но он на всякий случай попробовал вернуть себе авторитет и промямлил:

– Так он ведь маленький еще...

– Ага, – согласилась красавица полячка, – он-то малэ-

нький. Зато ты чецки дурен. Никой это не кавалер-кинг, а обычный дворий пес! У Майки мать понимает в порода. Она так и сказала мне, что это, – Агнешка снова указала пальчиком на кутенка, – обычны дворий пес. Так что чесць! – Агнешка с грохотом захлопнула дверь перед носом декана.

«Интересно, – тоскливо глядя на дверь, подумал Козырьков. – А кто теперь тебе будет оплачивать аренду двухкомнатной квартиры?»

Словно услышав его мысли, Агнешка приоткрыла дверь и четко произнесла:

– За квартира можешь не переживаць. Я уже нашла тебе замену! – И дверь, теперь уже навсегда, захлопнулась. Козырьков остался стоять на площадке со щенком на руках и тоскливыми мыслями в голове.

Немного опомнившись и придя в себя после такого коварства панночки, первым порывом Андрея Викторовича было взять щенка за шкурку и отправить его пинком в глубь подъезда, чтобы тот летел туда поперед собственного визга... Но вовремя опомнился – все ж таки это был не простой щенок, а вещественное доказательство деканской наивности (читай – глупости) и обмана – и отправился в районный отдел полиции писать заявление о том, как он стал жертвой мошенников.

Только вот вернутся ли к нему его денежки и когда это будет... Никто в райотделе этого ему не сказал.

### 3

Люсенька Сакурова, светская леди и любительница различных богемных тусовок, двадцати трех лет от роду, вошла в ресторан самого дорогого в Москве фитнес-клуба La Salute, что расположен на Таганке, и огляделась. Народу было немного, и она сразу же увидела в глубине зала свою закадычную подругу Тонечку Филатову. Помахав ей ручкой, она прошла к столику и присела рядом с подругой на диванчик из светлой кожи.

– Хай, зазунька, – Тонечка потянулась к подруге для поцелуйчика. – Давно тебя тут не видно было. Где чилила?

– С Олежеком в Эмираты катались, – чмокнула подругу в щечку Люсенька. – Он там хаус присматривал. Ну и потушили чуток. Теперь вот наверстываю, – она указала наманикюренным пальчиком на сумку с формой. – Че пьем – эспresso? Тоже себе закажу попить, но только сок черничный. Есть сок? – подняла она глаза на подошедшую к ней молодую женщину-официантку.

Та кивнула, улыбнулась и, записав в блокнотик заказ, спросила:

– Еще что-то будете заказывать? У нас сегодня...

– Нет, больше ничего не нужно. Я не голодная. – Люсенька отвернулась от официантки, давая той понять, что разговор окончен и пора бы ей идти работать. – У меня трабл, –

заявила она скорбным голосом подружке. – У Олежека в это воскресенье юбилей – сорок пять, а я даже не знаю, что ему подарить. У него реально уже все есть!

Тонечка закатила глазки, показывая Люсеньке, что она ей сочувствует, и прокомментировала новость:

– Он у тебя такой сасный, что я просто от него тащусь. Одним словом – краш. Ты реально не в курсе, что ему подарить? Может, что-нибудь из антиквариата?

– Тонь, ты че?! Лол! Ты забыла, что он у меня сам такими вещами торгует! У него бизнес на антиквариате и драгоценностях завязан. Да у нас не дом, а лавка старьевщика! Реально тебе говорю. Я вообще в шоке. Такой шейм, я прямо не могу.

– Да, парням в этом смысле проще, – согласилась Тонечка. – Любимая – я подарю тебе звезду... – пропела она, а потом встрепенулась, словно что-то вспомнив: – Слушай, а если ему реально что-нибудь такое необычное достать? Надо пошарить в инете. На Авито и на Озоне чего только не предлагают. Я недавно наткнулась на прикольное объявление. Представляешь – метеориты продают. На фига они кому-то нужны?! Рипнуться можно!

Официантка принесла наконец-то Люсеньке сок и счет, по которому та сразу же и расплатилась.

– А че, клевая идея, – задумчиво проговорила Люсенька, смакуя сок. – Вот только бы на читерство там какое-нибудь не наткнуться. Слушай, подруга, а ты не в курсе, сколько эти

звезды падучие стоят?

– Какие звезды? – выпучила Тонечка Филатова свои и без того большущие глазищи.

– Да метеориты же! – в ответ закатила глазки Люсенька. – Мы, помню, это еще в школе учили. Типа будто бы метеориты люди раньше принимали за звезды, которые падают с неба. Ну, ты вообще...

– Вау! – не обращая внимания на слова Люсеньки, восхитилась ходом мысли подруги Тонечка. – А че, и правда классная мысль! У кого еще из его друзей настоящий метеорит будет в коллекции? Надо бы этот вопрос почекать и в Озоне, и в соцсетях. Может, кто подскажет.

– Точно! – одобрила идею подруги Люсенька.

– Кхм.

Девицы подняли головы и увидели, что рядом с ними стоит та самая официантка, которая принимала у Люсеньки заказ.

– Не нужно больше ничего, – вздохнула Люсенька. – Я ведь расплатилась уже и на чай дала. Что – мало? Ну, народ нынче...

– Да нет, я не по этому поводу, – симпатичная светловолосая женщина средних лет, худенькая и с ямочками на щеках, улыбаясь, приветливо смотрела на девушек. – Просто я случайно мимо проходила, обслуживала вон тот столик, – она указала куда-то в сторону, – и услышала ваш разговор. Знаете, я могу вам помочь, – официантка в смущении опу-

стила голову. – Помочь с метеоритом.

Возникла пауза, во время которой Люсенька и Тонечка переваривали заявление официантки. Та же молчала и только скромно ждала, когда девушки или одобряют ее предложение, или откажутся иметь дело с малознакомой дамочкой. Первой пришла в себя Люсенька. Она с ног до головы оценивающе осмотрела официантку и спросила:

– Интересно, как это официантка может помочь достать настоящий метеорит? Ты че, пранкерша? Розыгрыш хочешь устроить?

– Да нет же, – официантка пожала плечами. – Просто мой дядя работает в Институте астрономии Академии наук. На Пятницкой, знаете такой? Академик Бохвалов. Не слышали? Он в отделе космической геодезии изучает закономерность процесса звездообразования, и у них там, в лаборатории, на изучении находится много разных небесных объектов. В том числе метеоритов и их обломков.

Женщина снова выжидательно посмотрела на Люсеньку. Люсенька с Тонечкой переглянулись. Обе девицы были в шоке от такой удачи, которая неожиданно свалилась на них словно с неба. Люсенька кивнула, давая официантке знак говорить дальше, и женщина, приободренная таким жестом, продолжила:

– Афанасий Меркурьевич, мой дядя, наверняка согласится помочь таким очаровательным девушкам, и за определенную плату, – женщина потупилась, – вынесет вам какой-ни-

будь образец из просто огромной академической коллекции метеоритов.

– А какова плата за... – Люсенька не знала, какое слово тут подходит больше всего, поэтому просто помахала ручкой, давая понять, что тут и так все ясно.

– Все будет зависеть от размеров заказанного объекта. Вы же понимаете... – официантка оглянулась по сторонам, словно опасаясь, что ее подслушают. – Вы же понимаете, что чем больше метеорит, тем сложнее его будет вынести. Но зато чем он больше по размерам, тем солиднее будет подарок. К тому же раритет...

– Раритет, – с придыханием повторила Люсенька малознакомое ей слово, словно пробуя его на вкус.

– Это значит большая редкость, – кивнула официантка, поясняя, что она имела в виду под этим загадочным для Тонечки и Люсеньки словом. – Нет, если вы мне не верите, то можете прочесть мою информацию на сайте Института астрономии РАН и проверить, работает ли там названный мной академик или нет. К тому же там наверняка найдется и его фотография. Так что все без обмана. А что касается вашей идеи поискать на Авито или еще где-то в интернете, то там запросто можно и на жуликов набрести, и купить булыжник вместо настоящего метеорита.

– Хм, а как определить, настоящий метеорит или нет? – озаботилась Люсенька.

– Очень просто, – сказала официантка. – Нужно просто

посмотреть на его структуру. Внутри метеорита часто встречаются вкрапления кристаллов и разных красивых минералов или сам камень имеет необычную форму и как бы оплавлен сверху. И вообще, все пруфы можно найти в интернете. Ну а если вас интересует, от чего может зависеть стоимость...

– Да, меня это очень даже интересует, – глазки у Люсеньки загорелись, и она прямо-таки подалась вперед всем своим стройным станом. – Вы можете присесть, – пригласила она официантку и указала ей на место рядом с собой.

– Нет, спасибо, мне не положено, – женщина снова нервно оглянулась. – Я и так с вами тут заболталась. Давайте я вам дам номер моего телефона, и вы мне вечером позвоните. Завтра мы где-нибудь встретимся и все обговорим.

– М-м-м, – застонала от досады Люсенька, а Тонечка закатила глазки. Ей тоже ужасно хотелось узнать, сколько Люсенька готова будет отвалить мужниных денег за такой необычный для него же подарок. – Ну хорошо, – пришлось согласиться Люсеньке на предложение официантки. – Давайте номер вашего телефона. Я вам сегодня часов в восемь вечера позвоню.

Женщина написала номер телефона на листочке и, вырвав его из блокнотика для записи заказов, протянула Люсеньке со словами:

– Буду ждать звоночка.

Потом официантка покинула подруг и отправилась обслу-

живать очередных посетителей ресторана.

– Ты думаешь, она не обманет? – попробовала заронить зерно сомнений в душу подруги Тонечка.

– Потребую пруф, – решительно кивнула Люсенька. – Пусть они сначала докажут, что метеорит настоящий, а потом уже я им мани отсчитаю. Кстати, сейчас приеду домой и буду инфу смотреть и на этого, как его там, – Люсенька прищелкнула пальчиками. – Вспомнила! На академика Бохвалова. Заодно изучу рынок стоимости метеоритов. Чтоб не вздумали с ценой надуть. Так, – Люсенька решительно встала. – Все, падра, я почапала.

Тонечка тоже встала и заторопилась.

– Ой, мне тоже уже нужно домой. Ты мне потом обязательно позвони и расскажи, что и как. Ок?

– Конечно, подруга. Только и ты рот на замок, а то поднимешь хайп раньше времени. Какой же тогда сюрприз Олежку будет...

– Рипнусь, а никому не скажу, – дала слово Тонечка, и обе подруги отправились к выходу.

На следующий день, а вернее, уже вечер, Люсенька, как и договаривалась по телефону, встретила с официанткой на выходе из метро «Третьяковская». Люсеньке было непривычно ходить пешком (на огромных-то каблуках!), поэтому она приехала к назначенному часу и в назначенное ей место на такси.

– Меня зовут Светлана, – приветливо обратилась к ней женщина. – Давайте-ка посидим где-нибудь на улице. Тут неподалеку есть сквер, в нем не жарко. Там и поговорим.

– Только недолго, – было видно, что Люсенька нервничает, но отступить ей уже было некуда, а потому она мужественно решила, что без метеорита или, по крайней мере, без стойкой договоренности о его покупке она домой не вернется.

– Да, я думаю, что мы быстро договоримся, – успокоила девицу женщина. – Вы, Людмила, судя по всему, девушка умная и наверняка уже узнали всю нужную вам информацию через интернет.

– Да, я тут кое-что посмотрела...

– Вот и замечательно, – женщина успокаивающе и доверительно положила свою руку на руку Люсеньки. – Смотрите, – Светлана достала из сумочки несколько фотографий и протянула девушке. – Это фото тех метеоритов, которые ре-

ально могут вам понравиться. Выбирайте любой. Вот – на них даже имеются таблички, – женщина показала на маленькие бумажки, прикрепленные к камушкам, изображенным на фотографиях. – Это говорит о том, что здесь представлены настоящие метеориты и они находятся в коллекции Института астрономии при РАН.

Люсенька с глубокомысленным видом внимательно рассматривала фото и лихорадочно думала, какой же из этих камней выбрать? Светлана же продолжала рассказывать ей обо всех плюсах того или иного вида метеорита.

– А вот этот, – женщина указала на один из снимков, – просто уникальный метеорит. Это обломок от Марса, который попал в космос в результате активности планеты. На бумажке, которая приклеивается к метеориту после прохождения им специальной процедуры проверки на подлинность, написаны все параметры и его состав. Ну, то есть из какого материала состоит сам камень и какие в нем есть вкрапления металлов и других пород. Если камень продают обычные продавцы метеоритов, то заказчик делает такой анализ на подлинность за свой счет. И поверьте, – Светлана сделала значительную паузу, – это очень дорого. Вам же мы с дядей предлагаем уже проверенный вариант метеорита.

– Понимаю, – задумчиво и многозначительно произнесла Люсенька, хотя, если честно, понимала она не очень. Но ведь ей нужно было показать женщине, что она не три класса приходской школы окончила, а одиннадцать классов пре-

стижного московского лицея, да еще и целых три курса на юрфаке успела отучиться. Правда, она там только числилась, а не училась, но ведь это же только формальности, диплом ей выпишут самый настоящий.

– Так вот. Если, например, вы захотите купить в подарок мужу такой марсианский метеорит, который весит около двух с половиной килограммов, то его стоимость будет... – Светлана посмотрела в синее московское небо и зашевелила губами, подсчитывая стоимость. – Это обойдется вам в один миллион рублей.

Светлана выжидательно посмотрела на девушку и ободряюще ей улыбнулась.

– Сколько? – обалдело посмотрела на нее Люсенька. – Что так дорого-то?

– Да вы что! Нисколько не дорого! Вы посмотрите, – Светлана опять полезла в сумочку и достала из нее гляцевый журнал, полистала его и, раскрыв на нужной странице, показала Люсеньке статью на английском языке. – Вот, читайте!

Читать по-английски Люсенька умела и даже кое-что понимала в прочитанном. Поэтому она внимательно и не торопясь прочла небольшую статью, в которой было сказано, что некий бизнесмен из Канзас-Сити приобрел в свою коллекцию метеорит весом в 3 килограмма за сумму в один миллион долларов. Стоимость метеорита была обусловлена вкраплениями в него частиц грунта, которые при анализе показали, что это тот самый грунт, который покрывает поверхность

Марса.

Люсенька закончила читать и непонимающе посмотрела на Светлану.

– Ну как же! – Женщина закатила глаза. – За три килограмма метеорита с вкраплениями – один миллион долларов, а мы с дядей предлагаем вам купить два с половиной килограмма за один миллион рублей! Разницу понимаете? Тем более что, посмотрите, какая необычная форма у камня!

Светлана снова протянула девушке фотографию предлагаемого ей для покупки метеорита и торжественно посмотрела на Люсеньку. И Люсенька наконец-то прониклась и самым моментом истины, и ценой на метеорит.

Но тут она глубоко и по-взрослому задумалась. Деньги на их совместном с мужем счете имелись. Правда, лежали они там не для подарка на юбилей Олежеку, а для коттеджа на Рублевке, о котором муж давно мечтал. И мечта эта вскорости должна была осуществиться. Оставалась самая малость – подкопить еще пару миллионов... «Но ведь и настоящие метеориты мужчина не каждый год в подарок получает», – мысленно рассуждала Люсенька. А тут еще у нее появился шанс показать своему благоверному, что она любит его искренне, а не за деньги, несмотря на большую между ними разницу в возрасте. То, что о таком шикарном подарке можно будет потом рассказать на зависть всем своим друзьям-недругам в своем блоге, Люсенькина совесть скромно умалчивала, готовя почву для триумфа.

– Ну хорошо, – вздохнув, согласилась на предложение Светланы Люсенька Сакурова. – И когда я смогу получить метеорит? – От волнения она и не заметила, как стала выражаться нормальным человеческим языком, без сленговых молодежных словечек и всяких там междометий. – Мне бы до воскресенья, – с надеждой посмотрела она на Светлану.

Та вздохнула, потом отвела от Люсеньки взгляд и снова вздохнула, словно бы решение давалось ей нелегко.

– Понимаете, Людмила, дядя сейчас на симпозиуме в Германии и вернется только в пятницу. Впрочем, – Светлана вдруг оживилась, – прибудет ведь он утром. И потому вполне сможет вынести в течение дня вам ваш метеорит. Так что давайте договоримся, что деньги вы приготовите к вечеру пятницы, а мы с вами созвонимся и определимся, где встретимся для обмена.

– Классно! – обрадовалась Люсенька, но потом сделала серьезное, как подобает взрослой и деловой леди, лицо и добавила: – Хорошо, договорились. Буду ждать вашего звонка.

\* \* \*

Деньги Люсенька сняла со счета без проблем. Олежка даже ни о чем не догадался. И метеорит она получила в пятницу вечером – упакованным в красивую коробку и со специальной биркой, где были записаны все данные по составу и структуре камня. Академик Бохвалов, который пришел на

встречу вместе со своей племянницей Светланой, самолично вручил Люсеньке метеорит и пояснил:

– Я специально снял с образца бумажку, чтобы не было досужих разговоров. Ведь ваш муж наверняка захочет похвастать таким шедевром перед друзьями. А бирочка – это вместо, так сказать, сертификата подлинности камня. Ну, вы меня, Людмила, понимаете.

Люсенька в знак согласия кивнула, хотя и не поняла – ни что означает слово «досужих», ни зачем, собственно, нужна бирка. Но она не хотела показаться в глазах ученого человека безграмотной дурочкой – потому и кивнула.

Гром грянул в воскресенье, в самый разгар празднования юбилея мужа Люсеньки. Правда, сама Люсенька узнала о грянувшем громе чуть позже, но это все ничего не значащие мелочи. Главное, что гром грянул – и это был такой гром, такой гром!

Желая произвести впечатление и на дорогих, во всех смыслах, гостей, и на самого мужа, Люсенька торжественно вручила мужу свой подарок во время застольной поздравительной речи и, как это и полагается примерной супруге олигарха, во время публичного признания ему в любви и верности.

– А ну-ка, ну-ка, дайте посмотреть на это невиданное чудо! – протянул руку за коробкой с метеоритом Яков Тарасович Сакуров, тесть Люсеньки, который, к слову сказать, был еще и (во времена своей советской юности) геологом, а зна-

чит, понимал толк и в земных камнях, и в небесных.

Внимательно осмотрев камень, он приподнял бровь, искоса глянул сначала на лучащегося от счастья сына, потом на довольную собой невестку. Немного отодвинув от себя метеорит, старший Сакуров снова повертел коробочку и так и эдак, а потом, не говоря ни слова, вернул подарок Сакурову-младшему. Тот же передал коробочку гостям, которые стали охать и ахать, нахваливая и сам подарок, и именинника, и его зардевшуюся, как маков цвет, молоденькую жену.

Примерно через час, когда гости уже захмелели, Сакуров-старший отозвал сына в другую комнату и высказал ему напрямую свои... Нет, не догадки и подозрения, а доводы в пользу того, что его глупая жена купила вместо метеорита обычный, но мастерски обработанный кусок гнейса – метаморфической горной породы. Сынок побледнел, но взял себя в руки и вышел к гостям как ни в чем не бывало. И только когда все разошлись, он взял Люсеньку под локоток и с искаженным от гнева лицом толкнул ее на диван.

– А ну-ка, сядь сюда, курица, и отвечай на мои вопросы! – рявкнул он обалдевшей от такой резкой перемены настроения супруге Люсеньке. – Сколько ты отдала за этот кусок... – Олежек начал захлебываться словами, но потом глубоко вдохнул и уже чуть сдержанней, но все еще громко спросил: – Сколько денег ты отдала за этот булыжник?! – И еще недавно любящий супруг сунул молодой и очень симпатичной жене под нос ее подарок.

– А че не так-то? – удивилась молодая и симпатичная жена. – Твой батя ниче не сказал, знач все нормально.

– Он не сказал, – прошипел в ответ Олег Яковлевич, – чтобы ни меня, ни тебя перед гостями не позорить. Зато потом наедине он мне много чего сказал! – снова перешел на крик Сакуров-младший. – Так что давай, детка, говори, как все было и сколько ты сняла с нашего счета. Или эта дешевка уложилась в твой личный капитал?

– Нет, – испуганно пролепетала Люсенька. До нее наконец-то начал доходить весь трагизм ее положения и шаткость их с Олежеком супружества.

– Что – нет? – не понял супруг.

– Я снимала с общего... – Люсенька испуганно замолчала и затравленно посмотрела куда-то в угол комнаты.

– И?.. – Сакуров и не думал отставать от жены, пока не вытянет из нее все подробности.

– Один, – еле слышно прошептала Люсенька.

– Один миллион?! – Олег Яковлевич не верил ушам своим. Он застонал, опустился в кресло напротив Люсеньки и закрыл лицо ладонями. – Боже, на ком я женился?! – спросил он и глухо, с истеричными нотками в голосе рассмеялся.

Люсенька встала перед ним на колени и, старательно заглядывая супругу в глаза, пролепетала:

– Олежек, я же хотела как лучше... Хотела тебя порадовать. Мне сам академик Бохвалов из этого, как его там, РАН вынес. Сказал, что из коллекции астрономического ин-

ститута...

– Лучше молчи, – прервал жену Сакуров. – Рассказывать всю историю своего падения будешь в уголовном розыске, а мне не нужно...

Не успел он договорить, как Люсенька, обхватив его колени руками, запричитала:

– Олежек, миленький, не сажай меня в тюрьму, я не виновата! Я все, что хочешь, для тебя сделаю, только не сдавай меня ментам!

Сакуров, несмотря на всю нелепость такого заявления и на потерю одного миллиона рублей, не выдержал и расхохотался. Да так громко, что Люсенька шарахнулась от него и, забившись в самый угол дивана, стала смотреть на мужа испуганными глазами, думая, что он свихнулся.

Отсмеявшись, Сакуров строго посмотрел на свою молоденькую и симпатичную, хотя и весьма глупую, супругу и сказал:

– Собирай вещи и шуруй жить обратно к маме в деревню Мухоморовку, или как ее там...

– Мухородовка, – чуть слышно пролепетала Люсенька.

– Вот-вот, в нее самую, – подтвердил Сакуров. – И пока деньги не найдутся, чтобы домой не возвращалась. Разводиться я с тобой пока не собираюсь, но... – Олег Тарасович сдержал улыбку и, чтобы скрыть ее от жены, нахмурился еще сильнее. – А в полицию завтра же пойдешь, чтобы заявление написать, что стала жертвой мошенников. Поняла, курица?

Потом он развернулся и ушел в спальню, а Люсенька еще долго плакала, вытирала побежавшую тушь с ресниц и думала о своей горькой и несчастной супружеской жизни.

Но наутро Люсенька Сакурова все-таки набралась храбрости и отправилась в районный отдел полиции писать заявление, упросив свою подружку Тонечку Филатову пойти с ней и свидетельствовать в ее пользу. Чтобы, не дай господь, менты не подумали, что эти деньги Люсенька себе присвоила, и не посадили ее тотчас же вместе с другими ворами и мошенниками в камеру.

Управляющий строительной компанией «Макс-строй-Мир» Веселуха Артем Васильевич стоял и смотрел, как его рабочие заканчивают заливать последние метры фундамента будущего гипермаркета. Рядом с ним стоял и будущий владелец данного суперогромного магазина, а вернее, торгово-развлекательного центра «Славяна» – Анатолий Семенович Большов. Оба – и управляющий, и владелец – были возбуждены и громко обсуждали одно очень важное дело – освящение фундамента будущего храма торговли.

– Не знаю, не знаю, Анатолий Семенович, – с сомнением в голосе говорил Веселуха. – Я бы с сим действием не торопился. Нужно бы нам сначала до ума все строительство довести, а уж потом и освятить можно.

– Да что ты, Артем Васильевич! Разве мы торопимся?! – возражал ему будущий владелец «Славяны». – Ты же понимаешь, что по срокам центр будет готов только к зиме, и то если лето будет не дождливое. Ты ведь сам строитель и знаешь, что осадка фундамента – дело долгое и займет не один день. Место-то какое... По идее, здесь и строить-то ничего нельзя. Тут ученые хотели какие-то раскопки проводить. Многим отказали, да и я еле уговорил, вернее, подмаслил нужных людей, чтобы выбить этот участок под строительство! Так что чтобы успешно двигаться дальше, нужно обя-

зательно освятить фундамент. А уж потом, когда строительство закончим, еще раз освятим. Уж на что, а на это у меня денег хватит!

– Ну, дело твое, – с сомнением произнес Веселуха и почесал подбородок. – Мой брат – отец Викентий, конечно же, придет, когда нужно, и проведет ритуал, как и положено, по канону. Но я все равно бы не торопился. Вдруг все-таки фундамент не приживется на такой нетвердой почве и стройку придется переносить в другое место? Зачем тогда его и освящать?

– Так на то я тебя и нанял, Артем Васильевич, что доверяю тебе, как себе самому, – рассмеялся Большов. – А брату твоему я еще и на храм пожертвую. Солидную сумму! Чтоб уж точно наш, а вернее, мой, – Анатолий Семенович гордо приподнял подбородок, – центр с Божьего благословения простоял не один год. Есть такая примета, Артем Васильевич – как фундамент поставишь, так и дом стоять будет, – хохотнул своей шутке будущий владелец гипермаркета.

Веселуха только головой покачал.

– Ладно, – сказал он. – Я с братом поговорю, а потом скажу тебе день и час, когда он сможет провести ритуал. У него ведь все на месяц вперед расписано. Ну а ты как думал! Прямо нарасхват нынче услуги-то. А меня дня четыре в городе не будет. Я в Питер уеду. Там у меня еще один объект возводится, так что и его проконтролировать надо. Телефон своего брата я тебе сегодня вечером скину. Мало ли, вдруг по-

надобится.

– Вот и ладненько, вот и договорились, – потер руки Большов. – Только уж побыстрее бы. А то ведь дальше надо двигаться.

– Двигаться будем, когда цемент по нормативу затвердеет, – усмехнулся Артем Васильевич и, не прощаясь с заказчиком, отправился к рабочим переговорить по одному ему ведомым строительным делам.

Большов же отправился в банк, чтобы снять наличные, предназначенные для оплаты услуг священника и для пожертвования на строительство новой часовни. «Выведу со счета сразу пятьсот тысяч зеленых, – думал Большов. – Таких денег не то что на часовенку, а на половину храма хватит. Пусть поп порадуетя. Только бы вымолил у Бога, чтоб центр мой, пока я жив буду, простоял. А после нас, как сказал один крутой и знаменитый римский патриций, или кто он там был – хоть потоп».

Через два дня в офис к Большову прибыл священник. Как доложила боссу секретарь Мариночка, отец Селиваний прибыл от отца Викентия для освящения строительства.

– Как, уже?! – засуетился Большов. – Эх, Артем Васильевич, Артем Васильевич! – всплеснул Анатолий Семенович руками. – Даже не позвонил и не предупредил меня. У меня и рабочий народ весь разбрелся – кто на другой объект, а кто на выходные... Что ж, давай-ка, Мариша, пригласи его в кабинет и чайку нам организуй.

Мариночка упорхнула, а в кабинет Анатолия Семеновича вошел священник. Правда, солидности в нем не было почти никакой, очень уж он стройно выглядел для степенного батюшки, но и осанистая борода с проседью, и поповское облачение, и крест на нем были очень даже внушительные, а значит, по мнению Большова, и правильные – православные.

– Бог в помощь, – поздоровался отец Селиваний с хозяином кабинета.

– И вам, святой отец, тоже всех благ, – с достоинством королевской особы ответил на приветствие Анатолий Семенович.

– Да какой же я святой? – ласково глядя на Большова, промолвил отец Селиваний. – Я, как и все православные, только слуга Господа нашего, и не достоин по греховности своей при жизни называться святым. А послал меня к вам наш настоятель, отец Викентий. Сам он прихворнул и просил меня заменить его и освятить ваш... объект, как это принято сейчас называть, – смиренно сказал отец Селиваний.

– Очень хорошо! – ответил, улыбаясь, Большов, но потом сделал серьезное лицо и спросил: – Надеюсь, что болезнь отца Викентия не столь серьезна и он скоро выздоровеет?

– На все воля Божья. Мы молимся за нашего брата во Христе и желаем ему в молитвах скорейшего выздоровления, – ответил священник. – Но когда можно приступить к таинству? – поинтересовался он и, несмотря на приглашающий жест Большова и появление Мариночки с чаем, не стал са-

диться на стул. – У меня сегодня еще два вызова. Один – на отпевание, а второй – на благословение. Поэтому вы уж меня простите нижайше, но чаевничать не стану. Дел много, – развел руками посетитель. – К тому же в машине моя матушка меня ждет, мается на жаре-то. Служки нынче нарасхват, так я ее с собой прихватил, чтоб помощь при служении оказала. Подпевать будет.

– Ну что ж, тогда поедem прямо сейчас, не откладывая. Только вот народу у меня будет на церемонии – вы, я, прораб и сторож стройки. Все рабочие кто где... Не предупредил никто, – посетовал Анатолий Семенович. – Ну, да что уж теперь говорить-то! Поедemте так. Вот только сумочку свою возьму, – Большов отчего-то подмигнул отцу Селиванию и подошел к большому сейфу, стоящему в глубине кабинета.

После проведенного священником действия освящения фундамента стройки Большов подошел к нему и протянул небольшой пластиковый пакет.

– Передайте отцу Викентию с моей благодарностью. Тут и гонорар за услугу, и пожертвования на строительство новой часовенки. Он знает. Мы с ним уже говорили на эту тему – позавчера вечером. От нашего, так сказать, храма, – улыбнулся владелец будущего торгово-развлекательного центра, – вашему. Так что вот... Я думаю, что ваш настоятель и вас не обидит, – наклонил голову Анатолий Семенович. – Будьте здоровы и передайте мои пожелания скорейшего выздоровления отцу Викентию.

– И вас храни Господь за вашу щедрость, – поклонился в ответ отец Селиваний и перекрестился.

Глядя на него, как мог, перекрестился и Большов.

Потом отец Селиваний со своей матушкой – небольшого роста худенькой женщиной в очках в черепаховой оправе и в белом платочке на голове – сели в старенькую «Ниву», на которой они прибыли к Большову, и отбыли.

\* \* \*

Через два дня, так и не дождавшись звонка с благодарностями от отца Викентия, Большов решил позвонить ему сам.

– Здоровы ли вы, отец Викентий? – с осторожностью в голосе осведомился Анатолий Семенович о здоровье бабушки.

– Здоров, здоров, – пробасил в ответ брат управляющего строительной компании Веселухи. – Что-то вы потерялись, благодетель вы наш. Не звоните, не являетесь самолично... Жду-жду от вас приглашения на освящение, а от вас – молчание. Вроде как договаривались в ближайшее же время, а уж четыре дня минуло...

– Как же... – Большов просто-таки опешил от таких слов отца Викентия. – Как же, простите... Вы ведь приболели, по моим сведениям...

– Да нет, здоров, слава богу! – заверил священнослужитель Большова. – Не знаю, кто уж вам такую весть принес.

Так что же? Когда мне подъезжать? У меня сегодня в три часа есть свободное время.

– Как – в три часа? – правый глаз Анатолия Семеновича дернулся в тике. – Вы деньги от меня получили? – Большов решил задать вопрос прямо и без обиняков. – Вы ведь вместо себя отца Селивания послали. Он все таинство, или как там это у вас действие называется, провел. Я ему деньги за услуги хорошие дал и еще пожертвовал на строительство часовенки. Немало пожертвовал. Хватит ли?

– Ничего не понимаю, – испуганно ответил отец Викентий. – Какие деньги? Какой отец Селиваний? Я никого не посылал. Я от вас лично звонка ждал, как и договаривались. Что значит – дали деньги за услуги?

Вопросы отца Викентия так и лились горячей лавой в ухо Большова, и чем больше было этих вопросов, тем сильнее разливался жар по его телу, пока Анатолий Семенович не начал гореть, как в адском пламени. Он уже понял, что его сейчас хватит удар, если он не прекратит поток этих вопросов и не ответит.

– Как так ка-какие деньги?! – не выдержав, заорал он, заикаясь, в трубку. – Я кучу бабла отвалил твоему засланному казачку, а ты спрашиваешь, какие деньги?!

– Не орите так громко, – после долгого молчания ответил ему батюшка. – Смирение, сын мой, еще никому не повредило. Здоровее будет не только душа, но и тело. Я повторюсь – я никого не посылал. Да и не знаком мне никакой

отец Селиваний. Нет у меня такого священника! По всей видимости, вас, Анатолий Семенович, ввел в заблуждение пришепщик сатаны и, обманув вас, прихватил ваши... – Отец Викентий сделал паузу и уточнил: – Наши с вами деньги. Надо бы в полицию заявить, – посоветовал он на прощание и, более не говоря ни слова, отключил связь.

У Большова потемнело в глазах, и он едва не упал. «Так и до инфаркта недалеко, – подумал он, нащупал у себя за спиной кресло и сел в него. – Нужно успокоиться, а потом... А что потом? Потом придется звонить Орлову и спрашивать у него, кто из их ведомства быстро и оперативно сможет разыскать этого попа с моими деньгами...»

– О боже! За что мне все это? – спросил в пространство Анатолий Семенович.

Впрочем, ответ на этот вопрос он знал. Вот только не нравился ему этот честный ответ. А потому он решил больше не взывать ко Всевышнему понапрасну и, промаявшись еще одну ночь без сна, достал из своего письменного стола записную книжку, чтобы найти в ней номер телефона Петра Николаевича Орлова – генерала Главного управления уголовного розыска России.

Подполковник Гуров, находившийся у себя в кабинете на Житной, изнывал от июньской жары и чувствовал себя не лучше мухи, застрявшей в липкой летней паутине. Мысли вяло текли у него в голове, образовываясь в какие-то фразы, но жара не позволяла сосредоточиться на документах, которые уже давно нужно было привести в порядок. Начальство в лице генерала Орлова начинало уже не просто намекать Льву Ивановичу о его служебных обязанностях, а требовать открытым текстом оформить все дела должным образом.

Бумажной работы, в основном бесполезной, у любого оперативника всегда хватает. Нет, конечно же, Лев Иванович понимал, что нужно было хоть как-то оформлять и разные агентурные донесения, и наблюдения, и прочие результаты оперативно-разыскной работы. Но вот выводы... Кому они нужны, его выводы? Все равно следователь будет строить дело не на них, а на фактах, которые он, Гуров, ему раздобудет. Но порядок есть порядок, и хочется тебе эти выводы писать или нет – никто тебя, простого оперативника, не спрашивает, но зато требует, чтобы написаны они были по всей полагающейся им форме. Даже если ты – полковник и «важняк».

Все – и городская духота (от которой не спасал даже настольный вентилятор), и тягучие мысли, и необходимость бумажной работы навевали на полковника скуку и лень. А

поэтому Гуров больше сидел и думал о рыбалке, о скором отпуске – о чем угодно, но только не о выводах и агентурных донесениях. Вдруг в кабинет быстрым шагом вошел его напарник и единомышленник Станислав Крячко. Лев Иванович встрепенулся и потянулся, расправляя затекшие от долгого неподвижного сидения плечи, спину и поясницу, и угрюмо ответил на бодрое приветствие друга:

– Как тебе, Станислав Васильевич, удается в любую погоду оставаться бодрым и активным? Я тут с самого утра сижу и никак не могу сосредоточиться и понять, что же я тут такого написал в агентурной записке, согласно устному сообщению своего агента Васьки Шмаровоза, а ты ласточкой летаешь в такую жару, и тебе хоть бы что – свеж как роза в майский день.

Крячко рассмеялся и бодро ответил:

– А оттого я и весел, и бодр, Лев Иванович, что не сижу в душном кабинете, а бегаю, как тот верблюд из анекдота. И чем быстрее бегу, тем бодрее ветерок обвивает – мне и хорошо, прохладно.

– Смотри, не замерзни, – с досадой буркнул Гуров. А досадно ему было из-за того, что Крячко легче него переносил и жару летом, и холод зимой. Такой уж у его был организм, у этого гуровского напарника и друга.

– Не кипятись, Гуров, я тебя сейчас утешать буду, – пообещал другу Крячко и сел за свой стол, предварительно бросив на него папку с какими-то бумагами. – Помнишь ли ты, что

у моей Наташи в этом месяце день рождения, или от жары у тебя совсем все мысли и память расплавились?

Гуров в задумчивости почесал затылок:

– Вроде бы как Маша мне что-то такое говорила на днях...

– Ну, хоть Маша у тебя пока еще провалами памяти не страдает, – хохотнул Крячко. – А потому уже в следующее воскресенье мы приглашаем вас, уважаемый Лев Иванович, с супругой естественно, к нам на дачку на шашлычок и коньячок, как это принято сейчас говорить.

– Крячко, пить в такую жару коньяк – это значит приблизить себя к инсульту, – наставительным голосом изрек полковник Гуров. – Хотя дачка – это хорошо. Мы вот с Марией все никак не соберемся...

Лев Иванович не договорил, потому что к ним в кабинет словно цунами ворвался оперуполномоченный Центрального района столицы Иван Береговой по прозвищу Умереть – не встать. Прозвища у оперов – дело обычное, и давались они чаще всего или по фамилии оперуполномоченного, или по какой-либо особенности внешности или характера одного. Особенностью Берегового была его привычка вставлять в свою и без того заковыристую речь выражение «умереть – не встать».

В глаза, конечно же, Берегового так никто не называл. Не принято называть коллег по прозвищу прямо в лицо. Не бандюганы ведь все-таки, а оперативники. Это только в разных криминальных шайках воры друг друга по кличкам называ-

ют, а тут вам не «хаза» и не «малина» какая-нибудь, а серьезное государственное правовое учреждение. Но сам Иван о своем прозвище, конечно же, знал и не обижался, если кто-нибудь обзывал его таким словосочетанием. Потому как честно признавал за собой такую филологическую привычку применять выражение «умереть – не встать» и по поводу, и без повода.

– Приветствую вас, коллеги! – пробасил гулким гласом матерого попа на клиросе Иван Береговой. Дед его по маме когда-то и вправду был служителем церкви и даже пел в церковном хоре. Густой бас и солидную поповскую фигуру Береговой получил в наследство именно от него – от деда. – Умереть – не встать, сколько дней и смен я у вас тут не бывал!

– Так кто ж тебе не дает, Иван Станиславович, – поздоровался за руку с Береговым Крячко. – Заскакивал бы почаще.

– Мы гостям завсегда рады, – поддержал приятеля Гуров, тоже протягивая руку коллеге.

– Так ведь дела не дают! Дела, чтоб их... – посетовал капитан Береговой. – Вот если бы не они, родные, так я, пожалуй, и сейчас бы до вас не добрался.

– Что-то ты сам в своих противоречиях запутался, Иван Станиславович, – с прищуром посмотрел на капитана Гуров. – То дела не дают тебе к нам завернуть на огонек, а то дела и привели...

– Так оно и есть, умереть – не встать! – хлопнул себя по

полным ляжкам капитан и, плюхнувшись на стул рядом со столом Гурова, достал платок, которым и вытер обильно бегущий пот у себя со лба. – Я тут совсем запарился с одним дельцем, Лев Иванович. Может, подскажешь чего путного. Я на это дело бы и плюнул сам-то, и в стол его задвинул. Тут и без него всякого криминала хватает – и убийство висит, и пара краж нераскрытых... Ну а тут... Ой, тут такая хохма, – неожиданно рассмеялся Береговой, – что грех вообще таким делом серьезно заниматься. Но! – Становясь серьезным, капитан поднял указательный палец вверх и добавил: – Сами знаете, что начальство, если дело касается больших денег, будет трясти из нас, работяг, душу, пока мы это дело не раскроем. Вот и у меня такой казус, умереть – не встать! Уже месяц топчусь на месте и никак не могу на след напасть. По всем моим агентурным каналам тишина. И путных свидетелей нет ни одного.

– Да ты не тяни, Иван Станиславович, пса за хвост. – Крячко, заинтересовавшись, взял стул и тоже подсел к гуровскому столу. – Давай, рассказывай свою неразрешенную хохму.

– Ага, – Береговой поерзал на стуле, устраиваясь поудобней, и вымолвил: – В общем, умереть – не встать, пришли ко мне примерно месяц назад две девицы, молоденькие. Потом, когда я их показания записывал, выяснилось, что потерпевшей вообще двадцать три года. А ее подружка так младше еще на год. Но дело не в их молодости, умереть – не

встать, – покачал головой Береговой. – Они, оказывается, пришли писать заявление о том, что стали жертвами мошенничества. Вернее, стала только одна из них. Она замужем за неким дельцом Сакуровым Олегом Яковлевичем. Мужу сорок пять лет, значит, а его жене, умереть – не встать, двадцать три!

– Ну, такими браками сегодня никого не удивишь, – протянул Крячко. – Вот у одного моего...

– Станислав, давай свою историю ты потом расскажешь, – прервал приятеля Гуров. – Видишь, человек по делу пришел.

– Ладно, ладно, молчу, – сказал Крячко и обратился к Береговому: – Прости, Иван Станиславович, что перебил. Рассказывай дальше.

– Ага, так я и говорю, умереть – не встать, – кивнул капитан. – Потерпевшая, гражданка Сакурова Людмила, рассказала мне такую историю. Она с подругой Антониной Филатовой сидела в ресторане при фитнес-клубе и активно обсуждала, что бы такое необычное подарить своему супругу Олегу на его сорокапятилетие. Денег у дамочки куры не клюют, а ума ни на грош. Муж, по своей глупости, даже совместный с ней счет открыл в банке. Ну, чтобы она в случае чего могла туда свою наманикюренную лапку запустить и на модные шмотки, колечки, брошки оттуда тянуть. Но понемногу. Такая у них была договоренность между собой. Ну, умереть – не встать! – осуждающе покачал головой капитан и продол-

жил: – Девушка же – в столицу она прибыла из какой-то деревни, не буду врать какой, не помню, помню только, что из Саратовской области – с большими деньгами дел никогда не имела, но сами деньги иметь всегда хотела. Где уж он ее нашел, такую? – снова покачал головой Береговой.

– Обычно их находят либо в дорогих ресторанах, где они официантками пристраиваются, или в стрип-барах с шестов снимают, – со знанием темы заявил Крячко.

– Не скажи, Станислав, – возразил Гуров. – Она могла быть и простой студенткой...

– Ага, простой, – хмыкнул Береговой. – Ты, Лев Иванович, где живешь, умереть – не встать? Правильно – в Москве. Где ты в Москве видел простую студентку, которая из какой-то, умереть – не встать, занюханной деревеньки к нам приехала? Вот то-то! Так что Станислав Васильевич прав. Я у потерпевшей спрашивал, где она, мол, со своим супругом познакомилась? Говорит, что в ресторане его обслуживала...

– Да и ладно, бог с ним, со знакомством, – махнул рукой Гуров. – Рассказывай свою беду дальше.

Помолчав и чему-то загадочно улыбнувшись, капитан Береговой продолжил рассказывать:

– Не знаю, уж как так громко эти подружки свою проблему обсуждали, но, по их словам, подошла к ним официантка, которая их обслуживала, и говорит: могу, мол, помочь вам с необычным подарком. Есть у меня дядя в Институте астрономии при Академии наук, он академик какой-то там

геологии, и у них метеоритов в коллекции института – хоть лопатой гребь. Чем вам не шикарный подарок для мужа, у которого все уже и так есть? Ну, умереть – не встать! – покрутил в недоумении головой оперуполномоченный.

– И дай-ка я угадаю, – усмехнулся Крячко. – Эти две девахи клюнули и заглотили наживку! – Он обратился к Гурову: – Видал, Лев Иванович, какие подарки нужно любимым дарить! Звезд с неба не жалко!

– Правда, что ли? – недоверчиво хмурясь, спросил Гуров у Берегового. – Что, реально можно метеорит купить? Ерунда какая-то. Зачем этот небесный булыжник кому-то нужен?

– Да, оказывается, что нужен, умереть – не встать! – сказал Береговой. – Я тут выяснял и все такое... В этой области целое сообщество коллекционеров в разных странах образовалось. Люди реально просто балдеют от таких камней и платят за них порой очень даже большие деньги! Ну, умереть – не встать! Так знаете, сколько эта дамочка, а вернее, потерпевшая, отстегнула за сей предмет? Кстати, я это вещественное доказательство с собой прихватил. Еле у следователя выпросил. Тяжелый, каменюка! Сейчас покажу...

Опер полез в сумку и вынул из нее коробку, которая, судя по тому, как он ее держал в руке, была тяжеловата. Брякнув коробку на стол, он открыл ее, и глазам Гурова и Крячко предстал камень.

– Интересная у него форма, – Гуров взял камень и, не вынимая его из коробки, повертел, рассматривая со всех

сторон. – Ты, кстати, так и не сказал, Иван Станиславович, сколько стоит это удовольствие.

– Умереть – не встать, вы не поверите! – Береговой хлопнул ладонями по коленям. – Миллион рублей!

– Сколько?! – хором воскликнули Крячко и Гуров. Лев Иванович от удивления даже чуть коробку из рук не выронил.

– Ничего себе – подарок любимому мужу на юбилей! – восхитился Станислав Васильевич. – Чего с ним делать-то? В шкафчик положить? – почесал он недоуменно в затылке.

– Лично мне такой подарок и даром не нужен, – кивнул, соглашаясь с напарником, Гуров. – Для грузила тяжеловат будет. Никакой пользы от такого подарка. – И он спросил у капитана: – Я так понимаю, что это ненастоящий метеорит. Иначе из-за чего бы тогда весь сыр-бор?

– Правильно понимаешь, Лев Иванович. Умереть – не встать! Как есть ненастоящий! – подтвердил Береговой.

А потом рассказал Гурову и Крячко все подробности истории с метеоритом, которые он узнал от потерпевшей Людмилы Сакуровой и слова которой, по крайней мере, разговор с официанткой, подтвердила ее подружка – Антонина Филатова.

– И вот я целый месяц бегаю и пытаюсь выяснить, что это за официантка и какова ее связь с профессором, тьфу, с академиком, как его там... – опер Береговой поднял глаза к потолку, вспоминая, но потом махнул рукой и полез за

блокнотом. – Умереть – не встать, память стала совсем никудышная, – посетовал он. – Вот, нашел! Академик Афанасий Меркурьевич Бохвалов! Ну и имечко, умереть – не встать! А ведь, что интересно, такой академик в институте астрономии действительно есть! Только вот никаких племянниц по имени Светлана у него нет, и никаких метеоритов из институтской лабораторной коллекции он не выносил и никому не продавал. И вообще, умереть – не встать, он так возмутился таким к нему подозрением и вызовом ко мне в кабинет, что его крики до начальства долетели. В общем...

– В общем, для тебя, Иван Станиславович, теперь раскрыть это дело – значит восстановить доброе имя нашей науки, – закончил за него Гуров. – Правильно я понимаю?

– А то, умереть – не встать! – с благодарностью подтвердил Береговой. – Но ведь что самое смешное во всей этой истории! – раскатистым басом расхохотался капитан, вытирая со лба обильный пот.

– А что, есть еще что-то более веселое, чем продажа булыжника за миллион рублей? – Крячко, предвкушая новую хохму, даже встал со стула и, присев на краешек гуровского стола, наклонился к Береговому поближе. – Ну-ка, ну-ка, потешь нас, Иван Станиславович. Давненько у нас ничего такого интересного не случилось.

– Станислав, слезь с моего стола, – рассмеялся Гуров. – Он тебя не выдержит, а мне на нем еще документацию не один год заполнять. Вот отниму у тебя твой стол...

– Я понял свою ошибку, Лев Иванович, – Крячко слез со стола и сел на стул. – Не томи душу, рассказывай, – обратился он к Береговому.

Тот снова полез в свою сумку и вынул из нее сложенный вчетверо листок бумаги, торжественно его развернул и положил на стол.

– Вот! Умереть – не встать! – объявил он и довольно посмотрел на Крячко и Гурова.

Оба в недоумении уставились на рисунок, а потом Гуров непонимающе спросил:

– И что? Антон Павлович выполнен не профессионалом, но узнаваем вполне.

– Угу, – подтвердил слова Гурова и Крячко, внимательно рассмотревший рисунок, и снова посмотрел на капитана Берегового.

– Да, умереть – не встать! Этот рисунок сделан моим напарником по рассказу потерпевшей, которая таким вот образом, – опер постучал толстым и коротким пальцем по рисунку, – описала академика Бохвалова!

– А настоящий академик совсем не похож на Антона Павловича Чехова. Я правильно понимаю? – спросил Гуров.

– Точно! Умереть – не встать! – подтвердил Береговой. – Она, эта горе-потерпевшая, его и не опознала даже, когда он мимо нее в мой кабинет проходил для беседы. – Так вот, я тут с ног уже сбился искать и официантку Светочку, и ее дядюшку, а начальство давит и стыдит. Помогайте, братцы,

без вас я не справлюсь.

– Поможем коллеге? – спросил Гуров у Крячко.

– Да уж, конечно, надо помочь, – кивнул Станислав Васильевич. – Ведь такой интересный случай! Как не помочь!

– Ну, умереть – не встать! Вот спасибо! – обрадовался Береговой. – Век буду помнить. А то зашиваюсь. Все другие дела забросил, а их столько навалилось, что не продохнуть! А это дело у меня вот где! – он ткнул себя двумя пальцами в горло, показывая, как его это дело уже достало. – Умереть – не встать! Так я вам тут все данные в папочке оставлю, почитаете. Если что, звоните, я всегда на связи.

– Хороший он человек, этот наш Умереть – не встать! – посмеиваясь после ухода Берегового, сказал Гуров. – Вот мы с тобой, Станислав, сколько лет его уже знаем? Лет семнадцать-восемнадцать? И всегда Иван Станиславович за каждое свое дело как в первый раз берется! Всегда с энтузиазмом молодого и необстрелянного опера работает. Это сколько же в нем энергии и веры в свое дело! Веры в то, что пользу он всем людям приносит, что нужна его работа другим-то! Уважаю я таких людей, а значит, и помогать готов, когда во мне у них нужда есть.

– Согласен с тобой по всем статьям, Лев Иванович, – согласился Крячко с другом. – Хорошему человеку всегда помочь с удовольствием хочется. Так что стряхни с себя всю негу и посмотри все, что он там принес, а я за кофейком сгоняю.

– Какой кофеек в такую-то жару! – простонал Гуров. – Нет уж, уволь меня от такого садизма над организмом, Станислав Васильевич. Купи мне лучше минералочки холодной.

– Ну, минералочки так минералочки, – добродушно отозвался Крячко. – А я так кофейку попыю. Чтобы бодрость в такую жару не утратить! – сказал он и вышел из кабинета.

Гуров отодвинул подальше свою ненавистную бумажную работу и с удовольствием принялся изучать принесенные Бе-

реговым документы. Читал и, качая головой, смеялся в особо смешных местах, дивясь человеческой глупости и наивности.

Крячко вернулся в кабинет буквально через десять минут. Без кофе, но с минералкой.

– Пей свою водичку, – сказал он, ставя перед Львом Ивановичем запотевшую бутылку. – И бросай береговские бумаги, нас с тобой наш любимый начальник к себе вызывает.

– А где ты его нашел? – удивился Гуров. – Мне он не звонил...

– Так у тебя опять, наверное, телефон разряжен, – фыркнул Крячко. – Из-за этого твоя Маша мне звонит даже чаще, чем тебе, и про твои дела спрашивает. А на мой вопрос, почему тебе...

– Все понял, – прервал товарища Лев Иванович. – Можешь дальше не причитать. Что у тебя за привычка из всякой мелочи трагедию устраивать? Ну, позвонила тебе Маша пару раз...

– Ладно, Лев Иванович, не ворчи, как дед старый, – сказал Крячко. – Пошли-ка к Петру Николаевичу. Мне Верочка позвонила и обрадовала. Сказала, чтоб в течение пятнадцати минут были у начальства...

\* \* \*

Генерал Петр Николаевич Орлов принял их сдержанно и

даже по-деловому, что давно с ним не случилось.

– Садитесь, Лев Иванович и Станислав Васильевич, не стойте на пороге – примета плохая.

– Давно ли ты в приметы начал верить, Петр Николаевич? – попробовал пошутить Крячко.

– С сегодняшнего дня, – буркнул Орлов. – Вот как только встал сегодня утром не с той ноги, так и начал. Когда тебе настроение еще с вечера портят дурацкими звонками, так и в черта лысого верить начнешь.

Гуров и Крячко переглянулись. Такая манера генерала – говорить с ними подобными эпитетами и интонациями – была для них непривычна и удивительна. Орлов был для них не просто начальником, но другом и товарищем, с которым они прошли и огонь, и воду, и медные трубы.

– Что случилось-то, Петр Николаевич? – нахмурился Гуров. – Говори уж прямо, в чем мы провинились, и дело с концом. Если ты про бумаги, так я над ними работаю, в порядок привожу...

– Да вы тут ни при чем вовсе, – с досадой махнул рукой генерал. – Тут дело в другом. Позвонил мне еще вчера вечером сын моего старого друга и товарища еще по школьным годам и рассказал очень некрасивую историю. Он, этот самый сын, – предприниматель, и, значит, затеял строительство большого магазина. Ну, или как там они сейчас называются – торгово-развлекательного центра. Фундамент, по его словам, уже заложили, и он захотел его освятить. Ну, сами

знаете, все эти штуки церковные сейчас в моде. Все подряд освящают...

Орлов немного помолчал и поскреб в задумчивости чисто выбритый подбородок.

– Ну да ладно, это личное дело каждого. Так вот, у Анатолия, сына моего друга-сотоварища, есть хороший знакомый, он же управляющий стройкой этого центра. Его родной брат служит настоятелем в храме. Уж точно не скажу, в каком именно храме, это вы потом сами выясняйте. Так вот, договорились Анатолий и этот служитель Божий, что батюшка придет и освятит фундамент будущего мегамаркета. Вроде бы как чин-чинарем договорились, только вот точный срок мероприятия не обговорили. А через пару дней после договоренности прибыл к Анатолию некий священник и заявил, что отец настоятель самолично прибыть не смогут, мол, приболели, а посему весь процесс освящения возьмет на себя он – помощник отца настоятеля. Толик человек неглупый, но наивный. Это я вам слова его отца привожу, чтобы вы знали, – пояснил генерал. – Я-то сам Анатолия мало знаю, поэтому судить о его характере не буду. Правда, слышал от других, что он мужик жуликоватый и ушлый, не в пример своему родителю. Ну, да это опять же с чужих слов.

– Петр Николаевич, – прервал рассуждения начальника нетерпеливый Крячко. – Я так понял, что поп этот, то есть священник, липовым оказался. И теперь денежки этого Анатолия тю-тю.

– Правильно понял, – подтвердил Орлов. – Я бы на такое дело и внимание ваше не стал бы обращать. Вы у меня в отделе не одни умные опера. Только вот кроме денег, что положены были священнику за его услуги, Анатолий на радостях и от щедрот своей души дополнительно отвалил... – генерал откашлялся. – Прошу прощения, неправильно выразился – пожертвовал на строительство очередной часовни в Москве или еще где-то там, не знаю, уж где у них нужда есть ее ставить. И деньги дал немалые – полмиллиона долларов. Так-то!

– Сколько?! – не поверили своим ушам Гуров и Крячко, потом переглянулись между собой, и Гуров сказал:

– Да уж, полмиллиона зеленых – это побольше нашего-то рублевого миллиона будет.

– Да-а-а... – протянул, соглашаясь с ним, Крячко.

– Вы к чему это сравнение тут привели? – подозрительно посмотрел на них начальник. – Знаю я вас! Просто так вы такие вещи вслух в моем кабинете не стали бы говорить, – погрозил он подчиненным пальцем. – Ну-ка, давайте выкладывайте все начистоту.

Гуров рассказал Орлову занимательную историю с метеоритом и о просьбе оперуполномоченного из Центрального района помочь ему с расследованием. Только вот Орлов ничего занимательного в этой истории не нашел. Нахмурившись и заложив руки за спину, он молча прошелся по кабинету, словно что-то обдумывая, а потом, повернувшись к

Крячко и Гурову, сказал:

– Ну что, бравы ребяташки, значит, поступим так. Придется вам эти два дела о мошенничестве расследовать со всей серьезностью и скоростью, на какую вы только способны. Почему-то сдается мне, что таких дел вы можете еще не одно набрать к себе в производство.

– Почему это вы так думаете? – удивился Крячко, испугавшись, что Орлов может оказаться прав.

– А потому, что мой нюх сыщика мне это подсказывает, – безапелляционно заявил генерал. – И в той, и в другой истории работала пара жуликов – мужчина и женщина.

– Как пара? – усомнился Гуров. – Священник вроде один был!

– Это я вам просто еще не все подробности сообщил, – хмыкнул Орлов. – Со священником еще его матушка приехала. Она ему там и подпевала, и за рулем машины, в которой они приехали, сидела...

– Фьюить! – присвистнул Крячко.

– Не свисти в кабинете. Денег не будет, – хмуро одернул Станислава начальник.

– У кого-то их уже нет, – усмехнулся Гуров. – Досвистелись. Давайте сюда ваши подробности, Петр Николаевич. Будем думать, что с ними делать.

Всю дорогу до кабинета Крячко молчал и только таинственно ухмылялся. Гуров же, наблюдая за ним исподтишка и видя, что напарник пребывает в задумчивости, не мешал ему, но когда они вошли в кабинет, не выдержал и спросил:

– Ну и что ты по поводу всего этого думаешь, Станислав? Какие-то мысли и соображения по поводу направления и действий расследования имеются?

– Ты по поводу аферы с освящением? – покосился на Гурова Крячко, подходя к его столу и забирая с него папочку с бумагами, которые принес Береговой. – Я так думаю, Лев Иванович, что нужно нам с тобой разделить. Я, чур, беру на себя миссию расследовать дело с метеоритом. Оно повеселее будет, чем с церковниками возиться.

– Да мне без разницы, – махнул Гуров рукой, – бери что хочешь. – Он подошел к небольшой карте города, которая висела на стене в их общем кабинете, и, глядя на нее, проговорил: – Я не к тому спросил. Понятное дело, что обе аферы – разные, а потому и разрабатывать их будем каждую отдельно. Но вот как ты думаешь – прав ли был Петр Николаевич, когда намекнул, что эти два дела могут быть как-то связаны между собой?

– Чего не знаю, того не знаю, – в задумчивости почесал в затылке Крячко. – Оснований не доверять интуиции наше-

го начальства у меня нет. Но я так думаю, что с выводами торопиться пока рановато. Информации не хватает. На основании двух дел такие серьезные выводы не строятся. Нужно будет еще покопаться. К тому же... – Крячко немного помолчал. – К тому же почерк, как мне кажется, у дел разный.

– Согласен, – кивнул Гуров. – Информации у нас пока что маловато. Единственное, что объединяет эти два дела – это то, что мошенники действовали в паре мужчина – женщина. Но так ведь таких пар на всю Москву может быть не один десяток. А посему...

– А посему начну-ка я с того, что изучу подробно все то, что нарыл Береговой. Ты, Лев Иванович, все прочел? – Крячко указал на папку с копиями.

– Не успел еще, – ответил Гуров, отходя от карты Москвы. – Теперь уж ты сам разбирайся, что наш друг Иван Станиславович наскреб за месяц. А я займусь звонками и первым делом вызову к себе потерпевшего-мецената, чтоб его... Ну вот что за люди, право слово! – Гуров с досадой хлопнул ладонью по столу. – Вот есть у тебя деньги, хочешь ты дело доброе сделать... Так ты переведи эти деньги с одного счета на другой и живи себе дальше спокойно. Нет, нужно было свои бабки снять и преподнести в виде наличности! Вот, мол, какой я крутой и какими деньжищами ворочаю! – Гуров махнул рукой. – Мало таких дураков учить. Их сажать пора. Без всякого сострадания и надолго. Иначе никак не поумнеют.

– Ну, это ты круто взял, Лев Иванович, – рассмеялся Крячко. – Эдак мы половину страны пересажаем, а другую половину их стеречь заставим. А кто на благо государства трудиться будет?

Гуров вздохнул и ничего не ответил. Он был погружен в свои мысли. И эти мысли были у него совсем невеселыми. «Оно, конечно же, все так, – рассуждал полковник. – И Крячко прав – всех дураков сажать нет смысла. Но ведь и жить с ними рядом как-то неловко».

Не то чтобы Льву Ивановичу не нравился щедрый жест Анатолия Семеновича Большова – пожертвовать на строительство храма, но у Гурова на этот счет было свое личное мнение. Он считал, что уж коли хочется тебе сделать доброе дело, так построй лучше какую-нибудь больницу за свои кровные, разбей парк в городе или отдай деньги в какой-нибудь центр по изучению рака и борьбы с ним. На худой конец – помоги вылечить ребенка от серьезной болезни. А отдавать вот так просто миллионы на строительство очередного храма... Их уже столько настроили, что ходить туда некому. Народу верующего на один квадратный метр меньше, чем на ту же территорию храмов и часовен понастроено.

Вот в таком угрюмо-задумчивом, можно сказать, настроении и пребывал Лев Иванович, когда набирал номер телефона Большова.

– Анатолий Семенович? Вас беспокоит старший оперуполномоченный по особо важным делам Главного управле-

ния уголовного розыска МВД России полковник Гуров. Как вы уже, наверно, поняли, Петр Николаевич Орлов поручил мне заняться расследованием вашего дела. Поэтому мне бы хотелось побеседовать с вами и узнать лично от вас все подробности произошедшего. Когда вы сможете подъехать ко мне для разговора?

Гуров внимательно выслушал то, что ему говорит собеседник, и ответил:

– Я, конечно же, мог бы и сам приехать к вам в офис. Но нужно будет выполнить некоторые формальности. Например, составить фоторобот преступника с ваших слов. А это могут сделать только специалисты из нашего отдела. Поэтому...

Гуров снова замолчал. По его лицу пробежала тень. По всей видимости, ему не очень нравилось то, что он слышал.

– Нет уж, – наконец с едва сдерживаемым раздражением произнес он в трубку. – Если вы хотите, чтобы ваше дело продвигалось быстро и мы нашли ваши деньги, вы должны не позднее завтрашнего утра быть у меня. Если вы что-то не понимаете, советую задать вопросы генералу Орлову, и он вам все доходчиво разъяснит. – Гуров снова немного помолчал и, кивнув, соглашаясь с невидимым собеседником, произнес: – Вот и замечательно, Анатолий Семенович. Значит, договорились. Завтра в девять ноль-ноль у меня в кабинете. Дежурный на входе вас проводит.

Гуров отключил связь и облегченно вздохнул.

– Представляешь, Станислав Васильевич, – сыщик хмыкнул и в недоумении покрутил головой. – Этот Большов только что вызывал меня к себе в кабинет. Не приглашал, а вызывал! Слово это я – потерпевший, а он – следователь. Вот ведь народ!

Крячко, увлеченный изучением документов, не ответил, и Гуров снова подошел к карте Москвы и стал в задумчивости на нее смотреть.

– Чего ты там интересного увидел, Лев Иванович? – поднял голову от бумаг Крячко.

– Да вот смотрю и думаю, – почесал подбородок Гуров. – Твой метеорит втюхали в Центральном округе на Пятницкой в мае месяце. То священнодействие, которое я расследую, произошло в Марьино в июне. Это, конечно же, ни о чем не говорит. У нас по всей Москве наверняка каждый день разные мошенничества случаются... Правда, я давно уже не слышал о таких крупных аферах... Знаешь, а съезжу-ка я в Главное управление внутренних дел Москвы, на Петровку. Туда вся информация по городу стекается. Хочу посмотреть, случались ли похожие на наши два случая аферы за последний год.

– Лев Иванович! – хмыкнул Крячко. – В Москве за последний год столько всяких афер было! Что ты имеешь в виду под словосочетанием «похожие на наши случаи»? Ты где-то видишь похожесть?

– Теперь вижу, – утвердительно кивнул Гуров. – Во-пер-

вых, оба жульничества были проведены в короткий срок – один-два дня, и дело сделано. Хотя ты можешь возразить, что в принципе все аферисты быстро стараются все свои дела обстряпать, но тут-то наличка присутствует, а не перевод денег со счета на счет, и суммы сняты очень даже не маленькие.

– Да, как я понял по отчетам Берегового, – Крячко ткнул пальцем в документы, которые изучал. – Эта Людочка-Люсенька не сразу им деньги-то передала за камушек, а только на следующий день.

– Да, жулики с ней два дня валандались, – согласился Гуров. – Сначала договорились, потом дали клиенту время созреть и снять деньги, а сами тем временем подготовили камень, придав ему надлежащий «товарный» вид. Тут как раз все более-менее понятно. Но вот откуда они узнали, что тот же Большов уже снял деньги и собирается отдать их отцу Викентию? Ну да ладно, это мы потом выясним.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.